

Е. П. ПЕШКОВА. ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ*

В 1898 г. мы с Алексеем Максимовичем и полугодовалым сынишкой вернулись в Нижний Новгород. Нам посчастливилось найти квартиру в первом этаже дома, который стоял в глубине двора, окнами в сад, незаметно переходивший в овраг, густо заросший деревьями. Казалось, что живешь не в шумном городе. А Ильинка, улица, на которой стоял этот дом, была действительно шумной, с нее шел спуск в нижнюю часть города. Помню, что как раз на этой квартире почти каждый вечер мы читали Чехова.

Алексей Максимович, бывая в редакции «Нижегородского листка», где получалось много газет и журналов, следил — не появится ли новый рассказ Антона Павловича. Потом приносил его домой, и мы читали и перечитывали его.

Обыск и арест 6 мая 1898 г. прервали нашу тихую жизнь. Алексея Максимовича увезли в Тифлис, я с сынишкой вернулась к матери в Самару.

Только осенью 1898 г. мы вновь приехали в Нижний, и тут Алексей Максимович послал Антону Павловичу свое первое письмо и свои книжки.

Целый год продолжалась их переписка. Алексей Максимович послал Антону Павловичу свою карточку с маленьким сыном на плечах и получил от Антона Павловича его фотографию, сделанную Леонидом Валентиновичем Срединым.

Лишь 19 марта 1899 г., приехав на лечение в Ялту, Алексей Максимович познакомился с Чеховым.

Через два-три дня он мне писал: «Живу. Чехов — человек на редкость. Добрый, мягкий, вдумчивый. Публика страшно любит его и надоедает ему. Знакомых у него здесь — конца нет. Говорить с ним в высокой степени приятно, и давно уже я не говорил с таким удовольствием, с каким говорю с ним...»

Все время пребывания Алексея Максимовича в Ялте в 1899 г. он часто видится с Чеховым. То они встречаются в книжном магазине Синани — своего рода клубе для приезжих писателей, художников, артистов, — то сидят на скамье у этого магазина, любясь морем. В одном из писем из Ялты Алексей Максимович пишет: «Какой одинокий человек Чехов и как его плохо понимают. Около него всегда огромное количество поклонников и поклонниц, а на печати у него вырезано: „одинокому — везде пустыня“, и это не рисовка. Он родился немножко рано». В письме от 23 марта 1899 г. Алексей Максимович пишет мне тоже из Ялты: «Всю ночь, до шести утра, просидел у Чехова. Как он интересен и хорош! Но здоровье его в очень опасном положении, процесс у него кровото-чивый, медленный, но верный. Он не знает этого, хотел к Пасхе ехать в Москву, но, кажется, его не пустят отсюда».

* Воспоминания написаны Е. П. Пешковой по просьбе редакции для настоящего тома «Литературного наследства».

А в другом письме через несколько дней после этого Алексей Максимович сообщает: «Будет вечер в пользу голодающих: Чехов, Елпатьевский и я будем читать...»

Алексей Максимович был совершенно пленен Антоном Павловичем. Заглазно и я была под его обаянием. Познакомилась я с Антоном Павловичем лишь весной 1900 г., когда мы вместе с А. М. приехали в Ялту и поселились в квартирке над гостиницей «Ялта», в улочке, ведущей на Дарсану. Туда вместе с Буниным, если не ошибаюсь, зашел к нам Антон Павлович.

После этого и я несколько раз была с А. М. в доме Антона Павловича, говорила с ним мало, так как в те годы была болезненно застенчива и краснела по всякому поводу. Очень тепло встретила меня, заметив это, матушка Антона Павловича — Евгения Яковлевна — «мамаша», как он ее ласково называл. X

В эту весну в Ялте собралось много литераторов: Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк со своей дочкой Аленушкой, Константин Михайлович Станюкович, Александр Иванович Куприн, завсегда́тай дома Чеховых Иван Алексеевич Бунин, Евгений Николаевич Чириков, Сергей Яковлевич Елпатьевский с семьей — все они бывали у Чехова.

Вскоре приехали артисты Художественного театра. И тихий дом Антона Павловича ожил — с утра до вечера там бывали артисты, и в доме и в саду царило веселое настроение.

Вскоре после их отъезда Антон Павлович участвовал в поездке на Кавказ, на которую его вдохновил Алексей Максимович своими восторженными рассказами о величественных красотах Кавказа. В этой поездке участвовали, кроме Алексея Максимовича и Антона Павловича, — Виктор Михайлович Васнецов, доктор Александр Николаевич Алексин и Леонид Валентинович Средин.

11 июня 1900 г. они вернулись из этой поездки, я на время их путешествия оставалась с сыном в Ялте. Через несколько дней после их возвращения мы уехали в Мануйловку, село Полтавской области, куда Алексей Максимович очень звал приехать Антона Павловича.

Поселились в окруженном парком доме, где было пять комнат. Одна из комнат этого домика сразу была предназначена для Антона Павловича.

Когда Алексей Максимович осматривал старый барский дом в том же парке, у него явилась мысль поместить Антона Павловича в одной из комнат этого дома. Он стоял недалеко от нашего.

Вот что пишет, приехав в Мануйловку, Антону Павловичу — Алексей Максимович:

«Хорошо в этой Мануйловке, очень хорошо. Тихо, мирно, немножко грустно. И немножко неловко, странно видеть кучи людей, которые совсем не говорят о литературе, театре и о всем „прекрасном и высоком“, до чего им совсем нет дела. Все-таки хохлы — славный народ, — мягкий, вежливый, я очень их люблю. Устроились мы недурно... А рядом с нами, на большой липе живет семейство сычей. В пруде — лягушки, а у малорусских лягушек такие мелодичные голоса. Неподалеку от нас церковь; сторож на колокольне бьет часы. Собаки лают. Настоящая украинская луна смотрит в окно. Думается о боге и еще о чем-то таинственном и хорошем. Хочется сидеть неподвижно и только думать.

Приезжайте-ка сюда. Мы поместим вас в школе, в том же парке, неподалеку от нас. Комната у вас будет большая, никто не помешает вам. Тихо будет. Я начал купаться в милой реке Псле, где ходят огромные щуки. Красивая река...»

Ждали мы, ждали Антона Павловича, а он так и не приехал. X 26 мая 1901 года, на другой день после свадьбы, Антон Павлович с Ольгой Леонардовной, по дороге на кумыс в Аксеново, заехали в

Нижний Новгород к нам. Были недолго, как раз в этот день у меня родилась девочка Катюша. Дверь в нашу квартиру им открыл полицейский, который дежурил в прихожей. В это время Алексей Максимович — после ареста и тюрьмы — по болезни был под домашним арестом.

11 ноября 1901 г., в вечер нашего приезда в Ялту, Алексею Максимовичу пришлось остановиться у Антона Павловича. Ему разрешено было пребывание в Крыму, «кроме Ялты». Дача Чехова находилась в деревне Аутка и тогда была за чертой города Ялты. На даче Чехова

ЧЕХОВ И ГОРЬКИЙ

Фотография. Снята на даче Чехова в Ялте, 1900 г. Рядом с Чеховым его племянник Володя Чехов; сзади Ив. П. и С. В. Чеховы

Музей А. М. Горького, Москва

в Аутке и был прописан Горький. Прожил он у Антона Павловича с неделю, потом переехал в Олеиз, когда мы нашли там дачу. На даче «Нюра» Антон Павлович неоднократно бывал.

Еще живя у Чехова, Горький вместе с ним ездил навестить Льва Николаевича Толстого в Гаспре. Позднее несколько раз, собираясь к Льву Николаевичу, Антон Павлович заезжал к нам в Олеиз, чтобы вместе с Алексеем Максимовичем ехать к Толстому, а иногда он просто извещал Алексея Максимовича по телефону, что собирается в Гаспру, и они встречались там. Алексей Максимович пешком подымался к дому С. В. Паниной в Гаспре, где жил Лев Николаевич.

Мне запомнился один приезд Антона Павловича, когда они вместе с Алексеем Максимовичем сидели у моря в цветущей миндальной роще, расположенной против дачи «Нюра», и Антон Павлович рассказывал

о своей семье, о жизни в Таганроге, о своем нерадостном детстве. Пожалуй, это было только единственный раз, когда мне пришлось услышать рассказ Чехова о себе.

Осенью 1903 г. мне пришлось одной, без Алексея Максимовича, ехать с детьми в Ялту, так как у меня заболела девочка. До Москвы нас проводил Алексей Максимович и телеграммой просил Чехова задержать нам номер в гостинице. От Севастополя ехали парходом. Когда парход приставал к молу, я заметила на берегу Антона Павловича под большим зонтом, зябко кутавшегося в пальто.

Моросил мелкий дождь. Стало очень неловко, что Антон Павлович встречает нас в такую погоду. Он проводил нас до гостиницы. К счастью, он не простудился.

Через несколько дней мы сняли две комнаты на даче Себрияковых, и я поехала навестить Антона Павловича. В это время он работал над пьесой «Вишневый сад».

В первых числах октября мне пришлось вновь побывать у Чехова, на этот раз по делу. Алексей Максимович поручил мне просить у Антона Павловича дать рассказ для сборника и сказать, что товарищество «Знание» может уплатить ему 1000 рублей за лист. На это Антон Павлович заметил: «Ну, мне и Маркс дает тысячу за лист» (Чехов имел в виду гонорар за лист нового произведения).

«Не знаю, что дать им, — подумав, сказал Антон Павлович. — Успею ли написать рассказ? Теперь занят драмой». Обещал дать окончательный ответ к 20 октября. Затем, помолчав, сказал, что драму думал отдать в «Ниву». В сборнике печатать ее неудобно — скучно читать. «А впрочем, спросите Алексея Максимовича. Рассказ было бы лучше». И сказал, что числа 20-го напишет Алексею Максимовичу.

Извещая об этом разговоре Алексея Максимовича, я советовала ему телеграфировать Антону Павловичу: если не успеет дать рассказ, пусть отдаст пьесу, — ведь размерами сборника вы не стесняетесь.

В конце переговоров Антон Павлович отдал «Вишневый сад» в «Знание», и пьеса была напечатана во втором сборнике, который вышел из печати в 1904 г.

В последний раз я видела Антона Павловича в начале июня 1904 г. в Берлине, где он остановился по пути в Баденвейлер, чтобы посоветоваться с проф. Эвальдом.

Из-за болезни детей я тоже застряла в Берлине, направляясь в Карлсбад. Антон Павлович и Ольга Леонардовна узнали об этом еще в России, и по приезде в Берлин Ольга Леонардовна разыскала меня. Мы с ней поехали в гостиницу, где нас ждал Антон Павлович.

Вошли в просторный номер. Налево — два окна на улицу, у стены против двери — диван с овальным столом перед ним, два мягких кресла. Облокотившись на правую ручку дивана, сидел Антон Павлович. Он привстал, я поспешила ему навстречу. Поздоровались. Села в кресло около него. Антон Павлович стал расспрашивать о детях, о том, как их лечат.

— Ведь я же врач, мне интересно.

Рассказала ему, как меня испугал врач, когда он, взяв мокрую простыню, обернул ею Максима, а у него была температура за сорок, и он был весь красный от коревой сыпи. Но после этой процедуры мальчик перестал бредить и заснул.

— Здоровое надо иметь сердце, — сказал Антон Павлович, — но способ неплохой.

Заговорил Чехов о впечатлениях от Берлина, где все «чересчур» удобно и где у женщин огромные ноги, а у Вертхейма замечательные егеровские фуфайки... Рассказал, что был в Зоологическом саду, ездил по городу.

Антон Павлович был бледный, похудевший, но он был оживлен, ласковой иронией светились его глаза.

Казалось, что поездка в Баденвейлер всколыхнула в нем надежду на жизнь.

Настроения безнадежности, «пути навстречу смерти», которое бросилось в глаза одному из его друзей в Москве перед отъездом, в нем

Е. П. ПЕШКОВА

Фотография с дарственной надписью Чехову:
«Дорогому Антону Павловичу. Ек. Пешкова». 1900—1903 гг.

Дом-музей Чехова, Ялта

совсем не было. Наоборот, он говорил, что вероятно поправится и после Баденвейлера поживет на озерах в Италии.

Когда я сказала, что после лечения на курорте собираюсь на лето с детьми в Швейцарию, он заметил, что, быть может, и они с Ольгой Леонардовной после Баденвейлера, пока в Италии жарко, поживут конец лета в Швейцарии.

Мы сговорились списаться, чтобы устроиться в одном месте.

Пробыла я у Антона Павловича недолго, боялась его утомить, да и дома были больные дети.

Позднее из Баденвейлера Ольга Леонардовна писала мне с «Виллы Фредерика» 14/27 июня 1904 г.:

«Вот и мы водворились, милая Екатерина Павловна.

Здесь очень хорошо, зелено, мягко, бархатисто, птиц масса, леса кругом, виды чудесные. И погода была жаркая, да вот зарядил дождь, хмурится погода и Антон Павлович ворчит. Он целый день должен лежать на солнце, ест он много и все спать хочет...»

Не было тревожного тона в этом письме, и хотелось верить, что дело с поправкой идет на лад.

И вдруг, вскоре, на немецком курорте Эмсе, где я жила с детьми, бегут мальчишки-газетчики и кричат, размахивая газетой: «Умер Чехов, умер великий русский писатель Чехов!»

Это событие заслонило собою все. Такая печаль охватила!..

Послала телеграмму Ольге Леонардовне в Баденвейлер. Телеграмма пришла обратно с пометкой: «Адресат выбыл в Петербург».

А через несколько дней получила письмо от Алексея Максимовича, он в это время был в Петербурге. Привожу выдержки из этого письма:

«Смерть Чехова очень подавила и огорчила меня. Кажется, что я никогда еще не чувствовал ни одной смерти так глубоко, как чувствую эту. Жалко, обидно, тяжело. Я давно был уверен в том, что Антон Павлович — не жилец на этом свете, но не ожидал, что его смерть так тяжело ляжет на душу. Жалко и литературу нашу, она лишилась первоклассного художника и вдумчивого писателя, который еще мог бы много раз ударить по сердцам...»

И в следующем письме: «...еду в Москву на похороны...»

А в ночь с 9 на 10 июля, после похорон Антона Павловича, я получила из Москвы следующую телеграмму:

«Похоронили. Возвращаемся в Петербург. Напишу подробно. Будь здорова. Алексей».

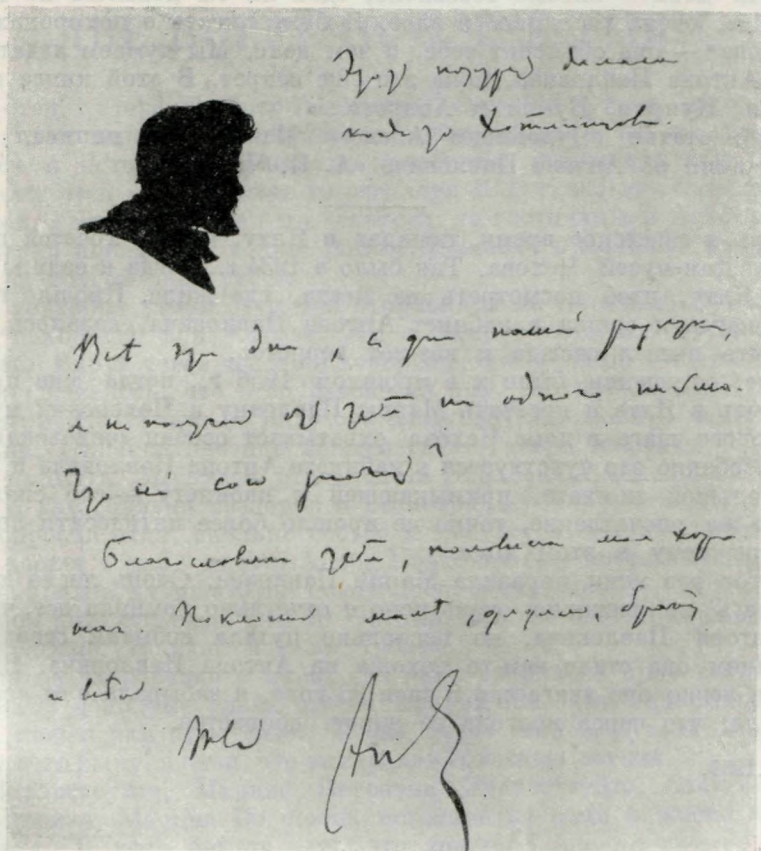
Затем, уже 11 июля из Петербурга он писал мне в Эмс:

«Вот и похоронили мы Антона Чехова, дорогой мой друг. Я так подавлен этим похоронами, что едва ли сумею толком написать тебе о них, — хожу, разговариваю, даже смеюсь, а на душе — гадко, кажется мне, что я весь вымазан какой-то липкой, скверно пахучей грязью, толстым слоем облепившей и мозг и сердце».

Этот чудный человек, этот прекрасный художник, всю свою жизнь борющийся с пошлостью, всюду находя ее, всюду освещая ее гнилые пятна мягким, укоризненным светом, подобным свету луны, Антон Павлович, которого коробило все пошлое и вульгарное, был привезен в вагоне „для перевозки свежих устриц“ и похоронен рядом с могилой вдовы казака Ольги Кукареткиной. Это — мелочи, дружище, да, но когда я вспоминаю вагон и Кукареткину, — у меня сжимается сердце, и я готов выть, реветь, драться от негодования, от злости. Ему — все равно, хоть в корзине для грязного белья вези его тело, но нам, русскому обществу, я не могу простить вагон „для устриц“. В этом вагоне — именно та пошлость русской жизни, та некультурность ее, которая всегда так возмущала покойного. Петербург — не встретил его прах так, как бы следовало, — меня это не задевает. Я предпочел бы на похоронах такого писателя, как Антон Чехов, видеть десяток искренно любивших его людей — я видел толпу „публики“, ее было, м. б., 3—5 тысяч, и — вся она для меня слилась в одну густую, жирную тучу торжествующей пошлости.

От Николаевского вокзала до Художественного театра я шел в толпе и слышал, как говорили обо мне, о том, что я похудел, не похож на портреты, что у меня смешное пальто, шляпа обрызгана грязью, что я напрасно ношу сапоги, говорили, что грязно, душно, что Шаляпин похож на

пастора и стал некрасив, когда остриг волосы; говорили обо всем — собирались в трактиры, ко знакомым — и никто ни слова о Чехове. Ни слова, уверяю тебя. Подавляющее равнодушие, какая-то незыблемая, каменная пошлость и — даже улыбки. Когда я стоял около театра во время панихиды, кто-то сзади меня вспомнил о рассказе „Оратор“ — помнишь — человек говорит над гробом речь о покойнике, а, оказывается, покойник жив, стоит рядом с ним. Это единственное, что вспомнили.

ЧЕХОВ

Силуэт, сделанный А. А. Хотяинцевой на листе, позднее использованном Чеховым для письма в О. Л. Книппер от 23 августа 1901 г.

Сверху рукою Чехова: «Этот портрет делала когда-то Хотяинцева».

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Над могилой ждали речей. Их почти не было. Публика начала строптиво требовать, чтобы говорил Горький. Везде, где я и Шаляпин являлись, мы оба становились сейчас же предметом упорного рассматривания и ощупывания. И снова — ни звука о Чехове. Что это за публика была? Я не знаю. Влезали на деревья и — смеялись, ломали кресты и ругались из-за мест, громко спрашивали: „Которая жена? А сестра? Посмотрите — плачут!“ — „А вы знаете — ведь после него ни гроша не осталось, все идет Марксу“ — „Бедная Книппер!“ — „Ну, что же ее жалеть, ведь она получает в театре 10 000“ — и т. д.

Все это лезло в уши, насильно, назойливо, нахально. Не хотелось слышать, хотелось какого-то красивого, искреннего, грустного слова, и никто не сказал его. Было нестерпимо грустно. Шаляпин — заплакал и стал ругаться: „И для этой сволочи он жил, и для нее он работал, учил, упрекал“. Я его увел с кладбища. И когда мы сядились на лошадь, нас окружила толпа, улыбалась и смотрела на нас. Кто-то — один на тысячи! — крикнул: „Господа, уйдите же! Это неприлично!“ Они, конечно, не ушли.

Прости меня — письмо бессвязно, едва ли ты поймешь из него мое настроение, очень тоскливое и злое. Я буду писать о похоронах статью „Чудовище“ — она объяснит тебе, в чем дело. Мы думаем издать книгу памяти Антона Павловича, пока это еще секрет. В этой книге напишут только я, Куприн, Бунин и Андреев...»

Вместо статьи «Чудовище» Алексей Максимович написал позднее воспоминания об Антоне Павловиче «А. П. Чехов».

Теперь, в советское время, попадая в Ялту, всегда хочется поскорее посетить Дом-музей Чехова. Так было в 1934 г., когда я ездила из Тесели в Ялту, чтоб посмотреть на места, где жила. Прошло тридцать лет, но когда я вошла в кабинет Антона Павловича, казалось, что он только что вышел отсюда и вот-вот вернется.

То же ощущение было и в прошлом 1956 г., когда мне пришлось 1 мая быть в Ялте и посетить Марию Павловну и Чеховский музей.

С первого шага в доме Чехова охватывает особая «чеховская» атмосфера. Особенно это чувствуется в кабинете Антона Павловича и в узенькой небольшой комнате, примыкающей к кабинету — его спальне. И опять то же впечатление, точно не прошло более пятидесяти лет — так все по-прежнему в этом доме.

На этот раз меня поразила Мария Павловна. Очень легко и быстро подымалась по лестнице, очень ясно и отчетливо помнила все, что касалось Антона Павловича, но несколько путала события сегодняшнего дня. Лицом она стала чем-то похожа на Антона Павловича. Видя как быстро и легко она двигается в свои 93 года, я забывала о ее возрасте и не думала, что через полгода ее жизнь оборвется.

15.V.1957.